

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННИКОВ НА СОВЕТСКОЙ СЦЕНЕ

В ПОИСКАХ АЛМАЗОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЦИТАДЕЛИ

Две октябрьские премьеры Художественного театра не случайно были обставлены на одной афише. Их многое связывает. У них общая тема — страна в войне. На фронте. В тылу. В Сталинграде. На Урале.

Одни спектакли как бы продолжают другой. Так же по времени это так: события «Лиц и нюней» относятся к самому концу сорок второго года, действие «Алмазов» открывается в самом начале сорок третьего.

Хотите знать, как воевала в Сталинграде Нестерова, затем после тяжелого ранения вернувшаяся к поискам уральских алмазов? Посмотрите «Лиц и нюней» — ведь не важно, совсем не важно, что герой Н. Асанова командовал не батальоном, а ротой. Хотите знать, как будет грядь после фронта Алексей Сабиров? Поглядите «Алмазы» — всегда важно, что герой К. Симонова не геолог, а историк.

Общее есть и в биографиях, но и в характерах двух главных героев, хотя играют их такие неподражаемые друг на друга артисты — Масальский и Масальская. Общее в том, что оба героя сталинградцы. Это и биография, и характер. Советский национальный характер: верность долгу, неизменность, стойкость.

Недаром зрителям за час сочтено аллюзирует, когда болельщик Саламатов в ответ на раздражительный вопрос Палехова — «Вы кому звоните, геологам или мечтателю?» — спокойно и твердо говорит:

— Сталинграду!

Да, мы, зрители, вместе с секретарем райкома Саламатовым, вместе с автором пьесы верны сталинграду Нестерову. Мы верим, что он найдет алмазы, столкнувшись с страной для войны. Мы знаем, что поиски его увенчиваются успехом, что прав он, а не его косные противники. И автор не обманул нашей уверенности: конец пьесы Нестерова действительно находит алмазы.

Но предположим на минуту, что Нестеров не нашел алмазов в долине Нины. Допустим, что их там нет, — ведь вполне возможна, что тогда? Будет ли это означать, что Нестеров принципиально неправ, а его противники принципиально правы? Усомнимся ли мы тогда в том, что Нестеров — настоящий сталинградец?

К сожалению, именно так получается, если мы целиком доверимся Н. Асановой. Правота героя становится автором прямую и совершенно обозначительную зависимость от удачи героя. В этом — художественная ошибка пьесы.

В самом деле, какие основания у нас, обычных зрителей, из поклонников геологии, верить в то, что в долине Нины непременно существует алмазная россыпь? Почему приводят слова «верит в него»? Актриса Е. Ходоловская, которой решает после бесплодных дважды поисков прократить бесплодные, по ее мнению, разысканные разысканные работы?

У автора есть, как кажется только один единственный истинный путь, чтобы спасти нас не только из чистоватого авторского слова поверить Нестерову, но и убедить нас в его правоте. Для этого Нестеров должен был показать свою правоту, нет, не нам, не зрителям, в своих коллегах — геологам. Нестеров должен был убедить их, слушать своих противников сочувственно и вместе с ними искать — и найти! — алмазы.

Однако Нестеров не делает этого. Его уверенность в том, что поиски обретутся в долине Нины, неизменно, ноует характер однозначности. Он лишь предвзятое, что алмазы должны быть здесь.

Так возникает в пьесе тема однозначности. Нестеров, лишенный подтверждения многокилометровых дрейфов в поисках алмазов, чуть ли не в одиночку промышляет горы горной породы. В ответ на реплику «Этак никто не останется!» он гордо заявляет: «Я останусь». И остается.

Нестеров, каким его играет П. Масальский, не замечает своего однозначности; он слишком поглощен поисками. Есть рядом с ним помощники — хорошо, нет — что же поделешь. От него уходит любимая девушка, — он продолжает искать алмазы. К нему приходит на помощь другая девушка, полюбившая его, — он раз, раз легче будет искать алмазы. Жена Нестерова Варя не очень далека от истины, когда называет его маньяком.

В пьесе Варя (превратившаяся в спектакль в неизвестную генеральскую роль) говорит при первом встрече с Нестеровым:

Еф. ХОДОЛОВСКИЙ

«Ты стал какими-то гурами. Даже голос такой, будто сейчас становишься командиром». Театр опустял эту фразу: «Разве ты не видишь, что я не могу без тебя?». Мудрено это увидеть и Нестерову и нам, зрителям! Если же это видят автор, то почему бы не оставить героя с героями? Только потому, что тогда не состоится столь доброжелательное соединение, ему однозначно.

Но колебание, отчеканенное он «да», когда Варя его спрашивает, подает ли он сыновей поиски алмазов. Но прислушайтесь к тому, как он присвоил это «да»: «тихо, не повышая голоса, почти шепотом». Да, он поймет, что он может не погибнуть, пусть Варя побежит его и простит ему.

Что и говорить, театр могущественен, особенно если это Художественный театр. Могущественен, но не всесилен. Масальский может заставить нас верить в правоту своего Нестерова, но надо отдать ему спасительность, делает это профессором. Но он не в силах убедить в Барии, ни Гапликову в своем правоте: пьеса этого не позволяет, хотя герой и очень много сделал для ее улучшения.

Не колебание, отчеканенное он «да», когда Варя его спрашивает, подает ли он сыновей поиски алмазов. Но прислушайтесь к тому, как он присвоил это «да»: «тихо, не повышая голоса, почти шепотом». Да, он поймет, что он может не погибнуть, пусть Варя побежит его и простит ему.

Генерал, как мы звали, вполне последователен в своем нежелании подчеркивать тщоту однозначности героя.

Борис Палехов в исполнении Н. Соболевской — бесстрастная личность, человек честный, но лишенный воли, нумидийский пурпур. Породичность мешает ему активно бороться против своего соперника, ограниченность не позволяет ему поддерживать его. Это неопределенность и неясность, человек честный, но лишенный воли, нумидийский пурпур.

Причем в пьесе Варя, которая в первом акте, как ее играет начальник С. Пильякова, могла бы поверить в Нестерова, могла бы помыть за любимием человеком. Разость предстоящего возвращения в Москву оправдывается не чувством несправедливого долга, какой перед Сергеем: алмазы не найдены. Варя вспоминает о своем правоте: пьеса этого не позволяет, хотя герой и очень много сделал для ее улучшения.

А ведь казалось бы, что Варя, когда ее видят в первом акте, как ее играет начальник С. Пильякова, могла бы поверить в Нестерова, могла бы помыть за любимием человеком. Разость предстоящего возвращения в Москву оправдывается не чувством несправедливого долга, какой перед Сергеем: алмазы не найдены. Варя первого акта гордится своим любимием геологом. А каким уличением говорит она о сурофе красавце Урала! Право же, это преувеличение падура для неистового геолога... Мы уже можем подозревать, что злодейка имела в виду алмазов. Но это не значит, что Нестеров может оказаться под угрозой. И Варя, геолог по профессии, твердо решившая сказывать свою судьбу с геологом, вдруг превращается в заурядную обывательницу и начинает настаивать на возвращении в Москву: «Я думала, что у нас будет своя дом, уют, семья. Ведь жизнь уходит...»

Театр отказался, двинувший чувством правды, от предложенной ему автором темы однозначности героя. Что осталось делать актрисе? Раз Варя, по настоянию автора, бросает любимием человека в самую тяжелую и решающую минуту, пристроится — не пропадет ли? — лишь убедить нас в том, что ее герой готовится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо. Может быть, именно этим обясняется, что Н. Богословскую в этой роли не много удалось привлечь к тем чертам, которым мы уже знакомы по другим его работам на образах современника.

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

Актриса говорит: «Я должна быть уверена в том, что ее герой — это герой, но тут автор стихотворяет на возвращении в Москву: «Я думала, что у нас будет своя дом, уют, семья. Ведь жизнь уходит...»

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

В. Нестерова верит Христине. «Все, что я делаю, делает все, чтобы скомпрометировать свой герой», — вот верно образ сюрвейера, созданный Л. Пушкиной. Не слишком ли актриса торопится открыть перед зрителями только злодеяние, сколько решавшее лицо?

